

В ДЕРЕВНЕ

Перед ужином дед выносил из горницы табуретку и усаживался отдохнуть на широком крыльце. Покойно сложив на коленях морщинистые руки, он подолгу смотрел на ржаные поля за рекой, на деревянный мост, на пыльную проселочную дорогу. Дед чинно здоровался с проходящими мимо односельчанами и иногда заводил с ними обстоятельную беседу. Убедившись, что гость настроен к серьезному разговору, дед приглашал его в горницу. Из старого резного буфета извлекался миниатюрный лафитник с водкой, настоянной на лечебных травах. Осторожно наполнив две узкие граненые рюмки, дед аккуратно слизывал с горлышка лафитника оставшиеся капли настойки и тщательно закрывал графин хрустальной резной пробкой, от которой по горнице разбегались веселые солнечные зайчики. Дед, не спеша, убирал графин в буфет, закрывал дверку, осторожно нес рюмки и ставил на стол перед гостем. Бабушка сразу подавала синее блюдо с нарезанным кружочками соленым огурцом. На этом угощение и заканчивалось.

К водке дед относился серьезно, употреблял ее понемногу и в основном, когда болел. Но однажды они с бабушкой поздно вернулись из гостей. Дед был явно навеселе и даже что-то напевал. Уже раздевшись ко сну, в белых портах и рубахе, он вдруг снова надел фуражку с высокой тульей, подошел к старому мутному зеркалу в черной резной деревянной раме, подбоченился, топнул ногой для куражу и заявил:

– И люб-то я сам себе, и красив сам себе! И умом я дошел, и красотой дошел!

– Полежай, старый дурень, на печь, детей не смехи! – урезонила его бабушка.

– А что, мать, – артачился дед, – скажи как на духу: красив я, али нет?

– Красавец! – вздохнула бабушка и тихо добавляла. – Это сейчас он старенький да глупенький, а какой был!

– Вспомни, – куражился подвыпивший дед, – как ты за мной ухлестывала!

– Это ты вспомни, как мой папенька огрел тебя крапивою, когда ты к моему окну подбирался.

– Ну, ты придумашь! – разозлился дед. – Тысячу раз тебе говорил, что проходил мимо!

– А в палисадник как же попал?

– Объяснял же тебе, бестолочь, случайно!

Рассерженный дед снял фуражку и залез к себе на печь.

Спали мы в большой горнице: дед на печи, бабушка на кровати за занавеской, а мы с брательником на широкой лавке. Бабушка добавляла в лампадку масла, кряхтя становилась на колени перед темной старой иконой и долго молилась, отвешивая глубокие поклоны. Она соблюдала все церковные обряды и посты. Дед в бога не очень-то верил, но крестился на всякий случай. Бабушка часто ругала деда:

«Старый нехристь, ботаешь молоко в пост вот и не возьмет тебя Господь на небо».

«А откуда он про это узнает? – искренне удивлялся дед, вытирая от молока бороду и усы, – если ты ему не скажешь. Но ведь ты же мне родная жена, верно? Неужели ты своего мужа в обиду дашь?»

Утром еще затемно первой вставала бабушка, доила корову, растапливала печь, длинными ухватами ловко двигала большие чугуны и жарила в масле вкусные румяные лепешки. Проснувшись, мы умывались холодной колодезной водой и садились за стол. Не обращая внимания на неодобрительные взгляды деда, бабушка аккуратно разрешила вдоль две лепешки и посыпала их сахарным песком.

«Тогда вам сахар к чаю не положен, и так сладко, – не выдерживал дед».

Бабушка демонстративно брала из сахарницы два кубика сахара и давала нам.

Дед исключительно бережливо относился к сахару. Мы любили смотреть, как он брал в руки крупный угловатый кусок и обухом ножа точным и сильным ударом колот его пополам, затем еще и еще, да так ловко, что получались ровные кубики. Хрустальную сахарницу, с горкой наполненную кубиками, убрали в буфет. Сахарную пыль дед аккуратно сметал в ладонь и отправлял себе в рот, а мелкие осколки доставались нам с брательником.

Сахар мы любили безумно, и казалось, что на свете нет ничего вкуснее! На завтрак всем полагалось только по одному кубику. Горячий чай я не любил и пил его только

чтобы не раздражать деда и не остаться без сахара. По мне, куда вкуснее была холодная вода из колодца. Изводить сахар на чаепитие мне казалось глупостью, и я ловко прятал кубик сначала за щеку, а потом незаметно перекидывал в карман. Расколов драгоценный обсосанный кубик на мелкие кусочки, я наслаждался целый час, а на ужин полагался еще один кубик.

Вообще-то сахар привозили наши родители, когда отправляли нас в деревню, и с изрядным запасом, учитывая рачительность деда к этому продукту, но нам больше все равно не доставалось.

Однажды, изнемогая от недостатка глюкозы, мы с брательником решили похитить два кубика из буфета. Но днем сделать это не удалось, так как лил дождь, у бабушки разболелась поясница и она все время находилась в горнице. Пришлось отложить операцию на вечер, но бабушка так долго молилась, что я уснул под ее бормотание, и брательник еле разбудил меня ночью. В горнице было темно, и только лампадка таинственно мерцала в углу под образами. Дед раскатисто храпел, а бабушку совершенно не было слышно за занавеской. За сахаром брательник отправил меня, так как подо мной не скрипели половицы. Еще с вечера мы придвинули табуретку к буфету. Бабушка ее не заметила и на место не поставила. На цыпочках по холодному некрашеному полу я прокрался через горницу, залез на табуретку, а потом на буфет и открыл стеклянную дверку. Сахарница с кубиками стояла на нижней полке, а верхнюю украшала ваза с большими угловатыми кусками колотого сахара. Мы собирались взять только по кубику, но моя рука неожиданно схватила из вазы самый большой кусок, и мне так и не удалось разжать пальцы.

Когда я залез под одеяло и брательник нащупал в моей руке такую громадину, то сразу отвесил мне подзатыльник в чисто воспитательных целях.

– Ты воруй, воруй, но меру-то знай! – прошипел он мне в самое ухо.

От такого большого куса было трудно откусить. Брательник предложил сосать его по очереди, но я испугался, что быстро засну, и он всё слопает один.

– Тогда я откушу кусок, а ты в это время кашляй, чтобы приглушить звук, – предложил брательник.

«Как хорошо иметь такого умного старшего брата», – с гордостью подумал я.

Сахар был такой крепкий, что у брата изо рта летели синие искорки хорошо видимые в темноте под одеялом.

Брательник передал мне кусок сахара.

– На, теперь ты кусай, а я буду кашлять!

– Нет уж, фигушки! – быстро сообразил я, – У тебя рот большой, а у меня маленький. Лучше я снова буду кашлять, а ты мне откуси!

Так я и уснул с куском сахара во рту.

Утром мы с брательником ели творог с молоком из одной миски, и я сделал ему замечание, что он слишком торопится.

– Перегороди тарелку ложкой, и жди пока я съем свою половину, а потом ты спокойно доешь свою, – предложил брательник.

Я наивно поверил ему и перегородил тарелку ложкой, да еще держал ложку так, чтобы моя половина была больше. И тут я с ужасом обнаружил, что моя половина убывает так же быстро, как и его, а брательник так торопился, что чуть не подавился. Когда я, наконец, сообразил, что меня провели, в тарелке показалось дно.

В отчаянии я стукнул брата деревянной ложкой в лоб, но угодил в переносицу. Творогом брательнику залепило глаза. В надежде вслепую попасть мне по голове, брательник яростно размахивал своей ложкой над столом. Отойдя в сторону, я с безопасного расстояния наблюдал за его манипуляциями. Дед аккуратно облизал свою деревянную ложку на длинной ручке, привстал и ударил брательника прямо в лоб.

Когда мы заканчивали пить чай, под окном горницы появился мой глухонемой приятель Ленька. Он свободно понимал по губам все, что мы говорили. Я выглянул в окно. Ленька сложил ладони и энергично потер их одна о другую, поясняя свой жест выразительным мычанием.

– Чего он хочет? – заинтересовался брательник.

– Это у нас такое приветствие, – соврал я, отлично понимая, что Ленька приглашает меня идти воровать огурцы в колхозный сад.

Ленька страшно любил огурцы и всегда носил с собой немного соли и нож. Он разрезал огурец пополам, солил внутри, складывал вместе две половинки и тер их друг о друга. Именно это действие он мне и показывал.

Пригибаясь между грядками, мы пробрались на колхозное поле. На земле в тени широких колючих листьев лежали зеленые пупырчатые огурцы. За пазухой они щекотали голый живот. Ленька не смог утерпеть и прямо на грядке разрезал огурец пополам, посолил его и стал жадно есть. Я взял три огурца – столько, сколько мог съесть. Домой их всё равно не понесешь – дед отлупит, так что неделю не сядешь.

Ленька ел огурец, закатив от блаженства глаза, когда появился сторож. Кто-то крикнул: «атас» и все бросились вроссыпную. Глухой Ленька невозмутимо сидел на грядке и вкушал лакомство. Убегая, я швырнул в него комок земли, чтобы предупредить, но не добросил.

Из-за плетня мы с ужасом наблюдали, как сторож подкрался к Леньке и схватил его за ухо.

– Ага, попался воришка! – закричал сторож.

Ленька крутился и жалобно мычал.

– Ну-ка, говори сейчас же, кто еще с тобой был? Живо! А то ухо оторву!

Ленька, конечно, понимал все, что говорил ему сторож, но когда надо он мог изобразить из себя полного идиота, и замычал еще громче.

– Ах, ты разговаривать не желаешь? – рассердился сторож, не зная, что Ленька действительно глухонемой, и дал ему оплеуху.

Ленька мычал, показывая пальцем себе в рот, и сторож, наконец, понял, что он действительно не может говорить.

– Ну, а слова ты понимаешь? – спросил он, и Ленька радостно закивал головой.

– Тогда покажи дома, где живут твои приятели, – вдруг заявил сторож.

Ленька замычал и отрицательно затряс головой, показывая, что не понимает.

– Опять не понимаешь? А вот я сейчас отведу тебя в правление и составим акт – пусть твои родители штраф заплатят.

Но Ленька вдруг вырвался, упал на землю и стал биться в конвульсиях. На губах у него появилась пена. Испуганный сторож тряс его за плечо и повторял:

– Эй, парень, ты это... брось, не умирай!

Мы катались от смеха, так как Ленька уже демонстрировал нам свои артистические способности, симулируя приступ эпилепсии, которой страдал его младший брат. Особенно эффектно он закатывал глаза, так что видны были только белки, и рожа получалась жуткая.

Сторож взял Леньку на руки и понес в деревню. Мы сторонкой следовали за ними. До деревни было с полкилометра, и сторож умаялся на такой жаре.

На околице пожилая колхозница показала сторожу дом, где жил глухонемой эпилептик. Так Ленька и доехал до дому с комфортом.

Ленькина мамаша, увидев сына, закричала на сторожа, обвиняя его в том, что он специально угробил ребенка и она, при помощи знакомого прокурора, обязательно упечет его в тюрьму. Так что сторож про огурцы сразу забыл и отбыл восвояси.

Но и мы с воровством завязали, слух по деревне все же прошел, и дед в целях профилактики хлестанул меня хворостиной, так что бурый рубец на ягодице я целую неделю демонстрировал приятелям, выдавая его за старый сабельный шрам.

Каждый день рано утром под нашими окнами однорукий пастух-татарин гнал на выпас стадо коров. Его бич издавал громкие, словно выстрелы, звуки. Наша корова Красуля со своим теленком Мокой присоединялись к стаду. Коровы, не спеша, шли на пастбище за реку на широкие заливные луга.

У пастуха не было своего дома, и он по три дня жил и столовался в крестьянских домах. Когда он первый раз пришел ночевать в наш дом и разделся ко сну, я с ужасом увидел багровый обрубок его руки и плечо, изуродованное осколками снаряда. Рано утром еще затемно пастух на маленьком коврикe долго молился. Мой двоюрод-

ный братан Колька Дядин рассказал, что у пастуха какая-то другая вера и что он не ест свинину. Колька зажал в руке угол своей рубахи, так что получилось нечто похожее на свиное ухо.

– Знаешь, что будет, если показать это пастуху? – Колька потряс перед моим носом матерчатым свиным ухом.

– Нет, а что?

– Убить свободно может, вот что!

Я тогда не поверил брату.

Однажды мы целый день ловили в реке голавлей и раков, засовывая руки под черные скользкие коряги. Прогнувшись, бегали друг за другом по заливному лугу. И тут я заметил на противоположном берегу однорукого пастуха. Совершенно произвольно я показал пастуху свиное ухо, сжав угол своей рубашки. Его реакция была мгновенна и ярость безумна. Он кинулся в реку, без труда догнал нас и безжалостно отстегал пучком крапивы прямо по голым ногам и лицу. Боль была адская.

Когда я с рыбой вернулся домой, дед поинтересовался, отчего у меня такое красное лицо. Я признался. Дед, вместо того чтобы пожалеть меня, вдруг пришел в ярость и раза три успел стегануть меня хворостиной, неведомо как оказавшейся в его руках.

– Смеяться над верой человека – самое последнее дело, – приговаривал дед, – и запомни это на всю жизнь!

И я запомнил это на всю жизнь

На другой день меня отправили к пастуху просить прощения. Бабушка дала узелок с горячими лепешками, и мы с Колькой, преодолевая страх, отправились за реку. Пастух встретил нас очень дружелюбно, сразу же простил, и мы втроем тут же съели вкусные лепешки.